

Неизвестно, из-за того ли вечернего звонка Сяо Цзыюй долго ворочался с боку на бок, никак не способный забыться, но, едва погрузившись в долгожданную дремоту, он вновь оказался во власти далеких воспоминаний.

Шестьдесят восьмой год правления династии Великого Лян выдался знойным. Сяо Цзыюй, выдавая себя за наследного принца государства Шу, прибыл в столицу в качестве заложника — вместе с ещё двумя высокими гостями из приграничных земель.

Династия Великого Лян давно укрепила свою власть в Центральных землях, соперничая лишь с северным государством Чжао. О наследнике Лян, Чанфэне, ходила дурная слава: говорили, он мрачен и жестокосерден. Сын опальной наложницы из Холодного дворца, он вопреки всему сумел собрать мощную фракцию, заточил престарелого государя во Дворце Вечной Радости и принудил того подписать указ о престолонаследии.

В отличие от подозрительного и осторожного отца, Юань Хэн свободно владел как словом, так и мечом, был искусным полководцем. Постепенно центр власти сместился в Восточный дворец: едва надев венец принца, Юань Хэн развязал серию войн и за короткий срок присоединил к империи несколько соседних государств.

Земли Древнего Шу граничили с Великим Лян с юга; местные жители издревле славились умением повелевать ядовитыми тварями и зверьем. Правитель Шу, человек трусливый и погрязший в праздности, панически боялся, что с восшествием на престол молодой принц двинет легионы на юг. Желая предотвратить катастрофу, он решился на отчаянный шаг.

Сяо Цзыюй отправился во вражескую столицу под видом заложника, но на деле нёс тайное поручение — убить наследного принца Юань Хэна. Чтобы доказать незыблемость верности перед отбытием, он добровольно принял ядовитого Гу. Червь Гу, затаившийся в его груди, пробуждался каждое полнолуние; лишь в случае успешного выполнения задачи правитель Шу обещал ежемесячно высылать с почтовым вороном снадобье, подавляющее боль.

Однако Великое Лян утопало в роскоши, а вассалы беспрестанно шли к дворцу с дарами, драгоценностями и наложницами. Какая-то кучка заложников не заслуживала ни малейшего внимания Юань Хэна: он даже не удостоил их аудиенции, отослав доживать дни в заброшенном павильоне подле Вечного переулка.

Хотя этот червь Гу не был смертельным, но в дни приступов муки оказывались невыносимыми: казалось, будто тысячи муравьев точат внутренности изнутри. Первые месяцы Сяо Цзыюй изнывал от боли, едва не теряя рассудок, но со временем приноровился стискивать зубы и глушить стоны.

Заточенный в глубоком Вечном переулке, он понимал: предстать перед Юань Хэном — задача практически невыполнимая.

Но вот пришел день, когда Юань Хэн созвал грандиозный пир во Дворце Вечной Гармонии, принимая иноземных послов. Заложникам впервые позволили покинуть свои мрачные стены,

дав шанс своими глазами увидеть ослепительную роскошь империи.

Юань Хэн славился любовью к пышности и невероятному размаху: дворцовые комплексы Лян своей величественностью в разы превосходили чертоги Шу. Блуждая в лабиринте галерей, Сяо Цзыюй сбился с дороги и, ступив под сень бамбуковой рощи, неожиданно услышал негромкие женские голоса, полные тревоги.

— Су'э, ты в силах подняться?

Сквозь густые стебли Сяо Цзыюй разглядел лежавшую на земле девушку в бирюзовых одеждах. Прижимая ладони к распухшей щиколотке, она жалобно стонала:

— Не могу... кость словно в огне, такая боль!

Не желая смущать девиц, Сяо Цзыюй уже вознамерился бесшумно удалиться, как вдруг услышал отчаянное:

— Как быть?! Для «Талии царства Чу» непременно нужны восемь танцовщиц! А нас теперь семеро... Если в столь торжественный день мы опозорим Его Высочество перед иноземными послами...

Крутой нрав принца был известен каждому — девушки принялись тихо всхлипывать. Рухнувшая с плеч голова — полбеда, но ведь прогневанный владыка мог обрушить кару и на их семьи!

Поняв, что перед ним танцовщицы, которым надлежало выступать на пиру перед императорским возвышением, Сяо Цзыюй произнес:

— Я смогу исполнить «Талию царства Чу».

Выйти к главному помосту означало получить единственный шанс лично увидеть Юань Хэна.

Во сне Сяо Цзыюй едва заметно нахмурился, безнадежно увязая в пучине прошлых воспоминаний. Он и поныне не знал, роковым ли было то решение или спасительным.

Девушки замерли: из-за бамбуковых стволов легкой, размеренной поступью вышел юноша в простом светлом одеянии. Его волосы ниспадали на плечи, лицо поражало утонченной чистой красотой, а раскосые глаза-фениксы смотрели с кротким спокойствием. Он ступал по ковру из сухих листьев совершенно бесшумно — так двигаются лишь те, чья выучка доведена до совершенства.

— Ты... ты правда сможешь? — До выхода на помост оставалось менее часа. У девиц не было

времени допытываться, кто он и откуда; они приняли юношу за артиста, случайно оказавшегося неподалеку. — Но ведь Су'э — наш главный танцор! Справишься ли ты с её партией?

Главный танцор вел всю композицию, приковывая к себе сотни взоров, а потому от него требовалось неоспоримое мастерство.

Сяо Цзыюй плавно повёл рукавом и взвился в стремительном вращении. Полы его одеяний распахнулись, а сам он едва касался земли кончиками пальцев, подобно лазурному лотосу, кружащемуся на глади пруда. В мгновение ока он безупречно исполнил наисложнейшую фигуру и замер без единого звука — так бесшумно опускаясь на ветку, садится лесная бабочка.

Девушки пораженно закивали: им еще не приходилось видеть юношу столь гибкого, с поистине невесомым станом. Даже лежавшая на земле Су'э облегченно вздохнула, вытирая слезы радости.

Время не ждало. Сяо Цзыюй быстро обменялся одеждой с Су'э. Наряд танцовщицы, хоть и скроенный на изящную девицу, пришелся юноше почти впору. Девушки уложили его волосы в женскую прическу, накинули шляпу с вуалью-мили, и теперь, если не считать высокого роста, он ничем не отличался от прочих исполнительниц.

На вид Сяо Цзыюй казался невозмутимым, но сердце его сжималось от тревоги. Как поступить после завершения танца? Как приблизиться к Юань Хэну и что произнести при встрече? На эти вопросы у него не было ответов.

На великом пиру перед высокими подмостками собрались послы со всех уголков земли. Желая снискать благоволение наследного принца Лян, они преподносили ему редчайшие сокровища мира, и гул множества голосов был слышен ещё на подступах к площади.

Пройдя строгий досмотр, Сяо Цзыюй в окружении танцовщиц плавно поднялся на помост. Мимолетный взгляд — и в центре, на главном месте во главе зала, он увидел Его. Четко очерченные брови-мечи, глубокий пронзительный взгляд, чеканный лик. Юань Хэн восседал в черных парадных одеяниях с золотым шитьем, и от одной его фигуры веяло такой несокрушимой мощью, что высокий, статный посол Туфани дрожал перед ним, не смея поднять взора.

Прошел целый месяц с его прибытия в империю, прежде чем он наконец увидел человека, которого правитель Шу нарекал кровавым деспотом — наследника Лян, Юань Хэна.

Загремели дворцовые музыканты. Сяо Цзыюй прогнулся в поясице, очертив тонкой кистью плавную дугу. Широкие рукава затрепетали, подобно крыльям, а тончайшая талия, схваченная поясом шириной едва в полладони, изгибалась с грацией плывущего по небу облака.

Разноголосый шум вокруг помоста мгновенно утих — взгляды гостей намертво прикипели к

одинокой фигуре. Немало танцовщиц славилось красотой, но подобным благородством и одухотворенностью движения обладали единицы. Сяо Цзыюй, легко коснувшись пола кончиками пальцев, скользнул в широком выпаде, и лишь тогда остальные девушки подхватили танец. Замершие было зрители наконец смогли перевести дух.

— «В пышной зале струится аромата туман, шелком белоснежным затянут стан!» — прямодушный посол государства Чжао громко, во весь голос рассмеялся: — Слухами земля полнилась, будто Великое Лян славится красавицами, но лишь сегодня мне довелось узреть это своими глазами! Пред этой девой даже драгоценности со всех концов света теряют свой блеск!

Юань Хэн выслушал льстивую речь без особого трепета, однако выражение его лица заметно смягчилось. Он лениво наблюдал за главным танцором, и губ его касалась едва заметная усмешка.

К середине композиции Сяо Цзыюй почувствовал на себе тяжесть прикованного взора. С малых лет выступая на сцене и привыкнув к вниманию тысяч глаз, он вдруг ощутил, как перехватило дыхание — слишком давила властная аура наследного принца.

В танце нельзя отвлекаться. Сяо Цзыюй скользнул к самому краю подмостков и, подняв взор, прямо встретился взглядом с Юань Хэном. Слишком близко! Нога его дрогнула, он сбился с ритма, и следом идущая танцовщица, не успев уклониться, врезалась ему в спину. Сяо Цзыюй покачнулся и, потеряв опору, полетел вниз с высокого помоста!

Этот помост прежде возводился для священных жертвоприношений и был невероятно высок. Но Юань Хэн не верил ни в богов, ни в духов, поэтому в последние годы сооружение постепенно пришло в запустение. Наблюдатели в ужасе ахнули. Сяо Цзыюй инстинктивно потянулся к искусству лёгких шагов, намереваясь взмыть в воздух, но край черного парадного плаща, мелькнувший внизу, заставил его силою воли подавить импульс. Выдать владение боевыми искусствами перед Юань Хэном означало верную гибель.

Сяо Цзыюй сжал зубы: пусть он переломает себе кости, но не поддастся и не вызовет подозрений!

Вокруг снова раздались пораженные возгласы, а стремительное падение вдруг резко пресеклось: крепкая пара рук надежно подхватила его за тонкую талию.

Взору Сяо Цзыюя открылась знакомая золотая вышивка с облачным узором, а в нос ударил терпкий аромат драгоценной амбры. Не успев даже проверить, цел ли он, юноша в долю секунды принял решение.

А когда он вновь разомкнул веки, глаза его брызнули слезами, а порозовевшие уголки трепетали — он выглядел точь-и-точь как напуганный кролик, которого схватили за загривок.

Не смея дотрагиваться до Юань Хэна, он беспомощно соскользнул на землю и пал ниц у ног

принца. Длинные рукава и полы подола шлейфом раскинулись по плитам. Он весь мелко дрожал, а голос прерывался от ужаса:

— Ничтожный подданный Сяо Цзыюй заслуживает тысячи смертей!

Юань Хэн слегка потер подушечки пальцев, точно смакуя недавнее ощущение тонкого стана в своих ладонях. Опустившись на одно колено, он кончиком пальца приподнял подбородок Сяо Цзыюя:

— Мужчина?

Танцовщицы уже пали ниц, музыка смолкла. Сяо Цзыюй с трудом заставил себя взять голос под контроль:

— Девушка — главный танцор оступилась и получила увечье. Цзыюй дерзнул поступить по собственному разумению и заменить её. Прошу Наследного принца карать меня по всей строгости!

Хотя Сяо Цзыюй с учителем изъездил немало земель среди простолюдинов, с высшей знатью империи он сталкивался впервые. И когда Юань Хэн задумчиво опустил взор, молча разглядывая его, юноше воистину стало страшно.

К счастью, в тот день Юань Хэн пребывал в добром расположении духа. Скупко расспросив о его происхождении, он изрек:

— Сгубить такой стан в Вечном переулке было бы непростительной глупостью. Коль любезны тебе танцы, ступай во Дворец Прекрасных Дев наставником.

Дворец Прекрасных Дев служакам танцевального искусства отводился под репетиции. Выразив благодарность за монаршую милость, Сяо Цзыюй поднялся: его нательные одежды промокли от холодного пота насквозь.

Намного позже, прижимая юного наставника к ложу в порыве страсти, Юань Хэн признался: ему невыносимо было смотреть, как тот униженно молит о пощаде, но в то же время подспудно хотелось причинить ему боль — лишь бы вытребовать эти до безумия прекрасные, покрасневшие от слез уголки глаз.

Сяо Цзыюй беспокойно метался, хрипло бредя во сне под властью этих воспоминаний. Встрепенувшись и окончательно очнувшись, он ощутил, что покрыт липким холодным потом, а ощущение невесомости от падения с высокой жертвенной террасы все еще отзывалось дрожью во всем теле.

Тогда он впервые обманул Юань Хэна. Будучи хищной лисицей с острыми когтями и клыками,

он поджал лапы и прикинулся беспомощным кроликом с покрасневшими глазами.

Их самая первая встреча с самого начала была соткана из лжи.

<http://bllate.org/book/20597/2112117>